

Отзыв

официального оппонента доктора филологических наук
Московской Дарьи Сергеевны на диссертацию Керимовой Динары
Фикретовны «Интертекстуальность как текстообразующая категория
литературы постмодернизма
(на примере сборника рассказов и эссе Т.Н. Толстой «Не кысь»)),
представленную на соискание степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Целью диссертационного исследования Д.Ф. Керимовой, как обозначено во введении, «является изучение проявлений интертекстуальности в постмодернистской прозе Татьяны Толстой, выявление в ней интертекстем, их систематизация, определение их значимости и функциональности для раскрытия идейно-художественного своеобразия прозы автора» (С.4).

Как следует из формулировки цели диссертации, исследовательский вектор работы устремлен к познанию механизмов гетерогенного текста, к постижению роли его элементов в строительстве сложного коммуникативного целого и представлению этих элементов как некой уникальной (присущей Т.Н. Толстой в сборнике «Не кысь») функциональной системы, способной связать отдельные высказывания в сознательно организованный результат речетворческого процесса.

Сложность поставленной диссертантом цели обусловлена значительной изученностью творчества Т.Н. Толстой и столь же значительной степенью информированности научного сообщества о различных видах интертекстуальных включений и их взаимодействии в гетерогенных текстах разной жанровой и функционально-стилевой принадлежности.

Вызывает возражение не дефинированный строго подход соискателя к формулировке актуальности исследования, обоснованной «количественно» – «довольно частым» появлением интертекстуальных включений в творчестве Толстой и тем, что они «наиболее полно реализуют авторский замысел»

(С.4). Тот же нечеткий «количественный» подход прослеживается и в определении научной новизны исследования, существо которой связывается «с широким использованием различных интертекстов, имеющих философско-художественную значимость в создании авторской картины мира» (С. 12) в эссеистике и рассказах Т.Толстой из сборника «Не кысь». Представляется, что новизна выполненного диссертантом исследования обусловлена, скорее, впервые поставленной соискателем задачей систематизации интертекстуальных включений и определения их идейно-художественной значимости в указанном сборнике писательницы.

В своей работе автор диссертации придерживался, как она заявляет, «узкого понимания интертекстуальности», который, согласно предложенному соискателем определению, предполагает, что «в исходном тексте содержатся ссылки на иные тексты, которые проявляются на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах – цитатах, реминисценциях, аллюзиях» (С. 4). В то же время автор констатирует, что «созданная в последние десятилетия художественная литература (и публицистика) по праву считается интертекстуальной» (С. 14), объясняя это тем, что «всякое новое знание, новая информация всегда опирается на ряд исторических, мифологических, мировоззренческих и культурных знаний, носителями которых являются предшествующие тексты. Более того, в современной науке о языке любой текст рассматривается как “часть бесконечного дискурса”» (С. 14). Таким образом, автор, в конечном счете, опирается, скорее, на широкое понимание интертекстуальности как свойства любого текста, резонирующего с опытом предшествующих высказываний. В очерченном диссертантом разнообразии подходов к пониманию интертекстуальности за пределами научной рефлексии остается вопрос, к какому же типу текстопостроения тяготеет сама Т.Н. Толстая? Является ли введенный ею интертекстуальный элемент (цитата) плодом сознательного усилия писательницы, или она действовала интуитивно, перестав быть демиургом собственного текста и уподобившись анонимному «скриптору»,

регистратору чужих голосов? Является ли цитата в «Не кысь» полноправным репрезентантом цитируемого текста, или же это результат реализации особой стратегии текстопостроения, сознательно или бессознательно направленной на пересмотр и опровержение культурных кодов прошлого? В поиске ответа на помощь исследователю могла бы прийти восстановленная творческая история текстов сборника, являющая важным аспектом текстологии текста, и собственные высказывания автора «Не кысь», а также учет коммуникативного пространства, в который был «вброшен» указанный сборник, ставший неизбежным и даже обязательным ответом на социальные катаклизмы и смену стилового, дискурсивного оформления социальной жизни конца 1990-х – начала 2000-х гг.

В первой главе, носящей название «Интертекстуальность как семантико-синтаксический компонент постмодернистской текстологии», представлен реферативный обзор концепций интертекста и выявленных на сегодняшний день видов интертекста и их функций. Соискатель обращается к информационным ресурсам, представленным Интернетом, свободно используя их материалы без ссылки на соответствующий источник и авторов. Так, на стр. 27 диссертации читаем: «Дело в том, что аллюзия по-иному воздействует на память и интеллект читателя, не нарушая при этом непрерывности текста», ср.: « Дело в том, что аллюзия по-иному воздействует на память и интеллект читателя, не нарушая при этом непрерывность текста» (<http://headinsider.info/1x7d63.html>). Далее, Д.Ф. Керимова пишет: «Аллюзия нацелена на то, чтобы дать возможность уловить наличие связи между одной вещью, о которой говорят, с другой вещью, о которой не говорят ничего, но представление о которой возникает благодаря этой связи» (С. 27), ср.: «как пишет Фонтанье, суть аллюзии в том, чтобы “дать возможность уловить наличие связи между одной вещью, о которой говорят, с другой вещью, о которой не говорят ничего, но представление о которой возникает благодаря этой связи” (Fontanier P. Les Figures du discours. Paris: Flammarion, 1977)» (<http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/875-tipi->

vzaemodiyi-tekstiv-vidi-i-formi-intertekstualnosti.html). В другом месте, Д.Ф. Керимова пишет: «Так аллюзия выходит за рамки интертекстуальности: возникает возможность отсылки читателя к истории, мифологии, общественному мнению, общепринятым традициям и обычаям» (С. 27), ср.: «Очевидным образом, аллюзия выходит далеко за рамки интертекстуальности. Подобно тому как цитироваться могут не одни только литературные сочинения, так и с помощью аллюзии можно отсылать читателя к истории, мифологии, общественному мнению или к общепринятым обычаям» (<http://studbooks.net/2098255/literatura/tipologiya-intertekstualnyh-elementov-sv-yazey>).

В целом, аллюзийность текста Д.Ф. Керимовой отличается той особенностью, что чужие тексты, используемые ею дословно, она иногда снабжает ссылкой, как, например, на стр. 15, 20, к трудам Натали Пьеге-Гро, а чаще дает без ссылок и кавычек применительно к тому же автору: см., например, стр. 26 (рассуждения о сущности цитаты), стр. 27 (рассуждения о литературной аллюзии, работе чтения и помощи критика), стр. 28 (рассуждения о монтаже из цитат).

Первая глава заключается выводом реферативного порядка: «Межтекстовое пространство, которое объединяет претексты и “новый” текст, понимается достаточно широко: оно включает тексты литературных произведений, а также устойчивые жанровые формы, сюжетные схемы, архетипические образы и образные формулы, “чужие” высказывания, связанные с тем или иным культурным кодом» (С. 31) (ср.: «Межтекстовое пространство, объединяющее претексты (тексты-предшественники) и “новый”, “младший” текст, понимается достаточно широко: оно включает не только собственно тексты литературных произведений, но и устойчивые жанровые формы, сюжетные схемы, архетипические образы и образные формулы, “чужие” высказывания, связанные с тем или иным культурным

кодом»; см.: <https://profilib.net/chtenie/74440/nataliya-nikolina-filologicheskii-analiz-teksta-uchebnoe-posobie-66.php>)

Если первая глава диссертации, по-видимому, ориентирует читателя на широкое понимание интертекстуальности, позволяющее включить в его сферу все существующие тексты культуры, то вторая глава, носящая заглавие «Некоторые аспекты интертекстуальности романного творчества Т.Н. Толстой», призвана приложить это понимание к идиостилю писательницы. Глава содержит разделы «Своеобразие художественного метода Т.Н. Толстой» и «Архетипический интертекст в прозе Т.Н. Толстой (на материале романа «Кысь»)» и также имеет реферативный характер, не привносящий новых сведений в существующие представления о содержательном характере «чужих» вкраплений (цитат) в хорошо исследованном с позиций интертекстуальности романе «Кысь». Второй раздел главы открывается положением: «Практически все обозначенные в предыдущей главе формы интертекста присутствуют в сборнике рассказов и эссе Т.Н. Толстой “Не кысь”. Однако, как нам представляется, к интертексту, помимо всего прочего, можно отнести различные концепты культуры» (С.44).

Можно не придавать значения тому факту, что возможность включения концептов культуры в понятие интертекста была уже давно обоснована Ю.С. Степановым, ссылка на труды которого в соответствующем разделе второй главы диссертации мною не была обнаружена. Более существенным представляется то, что в дальнейшем диссертант не имеет дела с концептами культуры, равно как и с упомянутыми им далее архетипами как возможными формами интертекстуальности. Даже предельно расширительное толкование архетипа, трактуемого диссертантом со ссылкой на А.Ю. Большакову как «сквозная», «порождающая модель» и как «часто повторяющиеся образы, сюжеты, мотивы в фольклорных и литературных произведениях» (последнее толкование дается диссертантом уже без ссылок на источник цитации – С.45), не получило должного раскрытия в указанном разделе второй главы. В первую очередь, потому что к явлениям архетипическим нельзя отнести

выявленную диссертантом переключку образов романа «Кысь» «с реальными историческими личностями» (С. 45). Не может быть теоретизирован как архетип и отмеченный соискателем факт того, что Т.Н. Толстая «придала им несколько обобщающий характер» (С. 47).

В третьей главе «Функционирование интертекстом в малой прозе Т.Н. Толстой (на материале сборника рассказов и эссе «Не кысь»)» автор переходит к традиционному поиску, регистрации и интерпретации цитирования, реминисценций, аллюзийных полей в их взаимодействии с содержанием цитирующего текста. Данная глава, как отмечено самим автором исследования, значительно превышает объем двух предыдущих. Значительный объем обусловлен, как подчеркивает соискатель, тем, что в ней «практически реализованы теоретические аспекты интертекстуальности, обозначенные нами в первой главе, на материале избранного объекта исследования» (Автореферат, с. 10). Однако именно в этой главе обнаружили себя недостатки теоретического осмысления явления интертекстуальности в малой прозе Т.Н. Толстой. Плодом такой неосмысленности стала свободная интерпретация цитат, отнесение их источника к любому произвольному «старшему» тексту, а также потеря интереса к содержательности высказывания. Примером тому интерпретация «паразаглавия» в эссе «Человек!.. Выведи меня отсюда». По мысли диссертанта, оно «позаимствовано» из автобиографической книги Бориса Бабочкина «В театре и кино» (С.87). Однако «материя» толстовского текста взывает к тому, чтобы исследователь задумался о живой связи цитаций с настроениями и вкусами автора гетерогенного текста и социальным контекстом его высказывания, «коммуникативным фоном». И тогда невозможно будет не вспомнить голос оскорбленного чеховского Ревунова, обманом заманенного на чужую «свадьбу» - это пошлое и небескорыстное «шоу» («Никаких я денег не получал! Подите прочь! (Выходит из-за стола.) Какая гадость! Какая низость! Оскорбить так старого человека, моряка, заслуженного офицера!.. Будь это порядочное общество, я мог бы вызвать на дуэль, а теперь что я могу

сделать? (Растерянно.) Где дверь? В какую сторону идти? Человек, выведи меня!)), который вступает в знаменательный диалог с финальной аллюзией рассказа к горьковскому «гордому человеку»: «Якубович учит, что человек – это звучит подло, и показывает это на себе». И потому вывод диссертанта – «Выбор паразаглавия обусловлен, на наш взгляд, сугубо контекстуальной необходимостью» (С.87) – остается не проясненным. Непроясненность собственных позиций автора диссертации в отношении гетерогенности толстовского текста приводит к оценке «стиля мышления как самой Т. Толстой, так и постмодернистского писательского сообщества в целом, как “цитатного мышления”, а постмодернистских текстов – как “цитатной литературы”» (С. 89), постулирующей «смерть» говорящего субъекта. Напротив, эссе Т. Н. Толстой наследует в полноте смыслов семантику цитированного текста, и чеховская модель мира находит в ее рассказе еще одно чрезвычайно личное, выстраданное, авторское подтверждение своей устойчивости и неизменности, как и чеховская ценностная иерархия.

И в третьей главе, как и в предыдущих, для установления «старших» текстов в прозе Т.Н. Толстой диссертант свободно использует данные Википедии, сайтов «лучших сочинений», вывешенных в Интернет-пространстве анонимных и авторских учебных пособий, отзывов и рецензий. По-прежнему, источники использованных цитат далеко не во всех случаях указаны, как, например, при обсуждении реминисцентного вкрапления с упоминанием «Моабитской тетради» Мусы Джалиля. Д.Ф. Керимова пишет: «Вскоре Терегулов и Шарипов были арестованы. Терегулов погиб в лагере. Годом ранее турецкий подданный татарин Казим Миршан принес в советское посольство в Риме ещё одну тетрадь. Сборник был передан сначала в Министерство иностранных дел, а после и в СМЕРШ. Поиски этих тетрадей, которые велись с 1979 года, так и не дали результатов» (С. 94). Ср.: «Терегулов и Шарипов были арестованы. Терегулов погиб в концлагере. <...> В январе 1946 года в советское посольство в Риме турецкий подданный татарин Казим Миршан принес ещё одну тетрадь. Сборник был передан

сначала в Министерство иностранных дел, а после и в СМЕРШ. Поиски этих тетрадей, которые велись с 1979 года, так и не дали результатов» (<http://rusrand.ru/spring/springspring1>) и т.д. и т.п.

Без отсылки к источнику цитаты, а именно к исследованию Е.В. Любезной «Интертекстуальность как способ выражения авторской позиции в прозе Т.Н.Толстой», соискатель использует почти буквально ее наблюдения. Д.Ф. Керимова пишет: «Основой интертекстуальности творчества Т.Н. Толстой являются полифункциональные включения. Они выражают авторскую оценку, характеризуют героев или ситуацию, а также способствуют типизации изображаемого. Н.А. Смирнова в связи с этим отмечает: «Одной из главных, особым образом акцентируемых характеристик поэтики Татьяны Толстой является ее интертекстуальный модус <...>» (С. 90). Ср. Любезная Е.В.: «Основой интертекстуальности творчества Т.Н. Толстой являются полифункциональные интертекстемы, которые, как правило, одновременно выражают авторскую оценку, афористически характеризуют персонажей или ситуацию, способствуют типизации изображаемого. Смирнова Н.А. в связи с этим отмечала: “Одной из главных, особым образом акцентируемых характеристик поэтики Татьяны Толстой является ее интертекстуальный модус <...> “» (http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/739/64739/35830?p_page=7).

Наконец, соискатель допускает вопиющую небрежность, когда обсуждает интертекстуальность эссе «Ложка для картоф.». Ее внимание привлекают «два диалога, выступающих тоже в качестве примеров засилия варваризмов в русском языке. Фразы ведущих диалог односложны, неблагозвучны и нередко анормативны: “Клиент: Дай суп. Официант: Вот суп. Клиент: Суп – крут? Официант: Крут плюс <...>» (С. 60) и проч. Однако обсуждаемая цитата и анализируемые примеры варваризмов принадлежат другому рассказу писательницы, а именно «На липовой ноге».

Обращаясь к основным положениям исследования, выносимым соискателем на защиту, мы должны отметить, с одной стороны, их неконкретный, недоказуемо общий характер: «Татьяна Толстая – автор-постмодернист, в творчестве которого широко представлены различные интертекстуальные включения, реализующие авторский замысел» (С. 11) или: «Систематизация интертекстом основывается на функционировании в тексте» (Там же) и проч.

Пожалуй, более конкретно звучит положение об основных интертекстуальных включениях в сборнике «Не кысь», среди которых названы цитаты; паразаглавия; синтаксические реминисценции и аллюзии; пародия и вариация. Эти выводы, подтвержденные анализом текстов, можно считать вкладом автора в изучение явлений интертекстуальности сборника рассказов Т.Н. Толстой «Не кысь».

Последнее обстоятельство позволяет считать диссертацию Д.Ф. Керимовой «Интертекстуальность как текстообразующая категория литературы постмодернизма (на примере сборника рассказов и эссе Т.Н. Толстой «Не кысь»)» законченным исследованием, отличающимся актуальностью и новизной, самостоятельностью выводов. Автореферат и публикации автора соответствуют основному содержанию диссертационного исследования.

Однако приходится констатировать, что при подготовке текста диссертации соискателем был допущен ряд существенных небрежностей. Среди них – широкое, если не сказать тотальное, использование непроверенных Интернет-данных (например, Википедии, анонимных статей, обзоров, учебных пособий) без ссылок на соответствующий Интернет-ресурс; подмена в ряде случаев самостоятельного научного анализа реферативным изложением чужих мнений также без указания на источник; ошибка при цитировании анализируемых художественных произведений; отсутствие ссылок на цитированную научную литературу по теме исследования. Указанные недостатки существенно понижают общую оценку

качества исполнения диссертационного исследования Д.Ф. Керимовой «Интертекстуальность как текстообразующая категория литературы постмодернизма (на примере сборника рассказов и эссе Т.Н. Толстой «Не кысь»»).

В то же время необходимо отметить во многом технический характер этих недостатков и ошибок, не затронувший содержательных моментов представленной к защите работы, а также оригинальности, самостоятельности и правильности выводов ее автора относительно интертекстуальных включений в текстах сборника «Не кысь».

Представленная диссертация в целом отвечает требованиям научно-квалификационной работы кандидата филологических наук. Это обстоятельство позволяет мне внести предложение присвоить Д.Ф. Керимовой искомую степень кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Доктор филологических наук

Заместитель директора по научной работе

Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Заведующая отделом рукописей

Московская Д.С.

04 декабря 2017 года